

Интервью с Надеждой Андреевной НАРТОВОЙ

«ТО, ЧТО ОНИ ГОРЕЛИ СОЦИОЛОГИЕЙ, ГОРЕЛИ СВОЕЙ РАБОТОЙ, ГОРЕЛИ НАМИ, ОЧЕНЬ ВДОХНОВЛЯЛО»

Нартова Н. А. — окончила факультет мировой культуры СПб университета культуры и искусств (2002 г.), аспирант кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа» Саратовского государственного технического университета. Старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», СПб департамент социологии; научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Основные области научного интереса: гендерные исследования, социология тела, исследования материнства/родительства и репродукции.

Интервью состоялось: май-июль 2015 г.

Около десяти лет назад, изучая путь Джорджа Гэллапа в науку, я ввел понятие *«траектория преемственности»*. Речь шла о направленном анализе нескольких поколениях американских и европейских психологах, у которых обучался в университете Гэллап и которые учили его учителей. К моему удивлению, я нашел короткие траектории преемственности, «связывавшие» Гэллапа с европейскими основателя экспериментальной психологии и первыми американскими психологами.

Позже, в 2006-2007 годах после проведения первых интервью с советскими / российскими социологами я решил посмотреть, кто их обучал социологии, кем и как передавался им опыт социологических исследований. Оказалось, что в послевоенное время социология не преподавалась в университетах, проведение социологических исследований на рубеже 1950-х — 1960-х годов было не возрождением дореволюционной и ранней советской социологии, но ее вторым рождением в СССР. В свете этого положения было естественно рассматривать тех, кто стоял у истоков современной отечественной социологии, представителями первого поколения советских социологов и задуматься о поколенческой стратификации нашего сообщества социологов.

Так в 2007 году появилась конструкция, образованная последовательностью профессионально возрастных страт и названная мною «пирамидой поколений», Каждая из этих когорт объединяет исследователей, родившихся внутри пристыкованных друг к другу 12-летних временных интервалов.

Первое поколение образуют социологи, родившиеся в 1923–1934 гг. Представители этой профессиональной когорты самостоятельно стали заниматься социологией, у них не было учителей, наставников. Второе поколение — это ученые, подавляющая часть которых родилась в интервале: конец 20-х — 1934 год. Они — первые ученики социологов первого поколения. Время рождения социологов третьего поколения — 1935–1946 гг., четвертого — 1947–1958 гг., пятого — 1959–1970 гг., шестого — 1971–1982 гг. и седьмого — 1983–1994.

Первоначально поколенческая типология иргала лишь роль инструмента упорядочения, группировки информации, получаемой в процессе биографических интервью, но позже обнаружился, раскрылся и содержательный смысл поколенческой иерархии. Более того, появилась возможность трактовать развитие советской / российской социологии как процесс возникновения новых поколений социологов, их вхождения в науку. Таким образом, воспоминания участников интервью, их рассказы об учителях, наставниках, консультантах стали эмпирической основой для анализа межпоколенных коммуникаций.

И теперь, после завершения интервью с Надеждой Андреевной Нартовой, я могу сказать, что ждал подобный материал, он нужен в качестве иллюстрации некоторых моих теоретических построений и как стимул к дальнейшим поискам... Значительно раньше такого интервью у меня не могло быть. Надеяться на получение содержательной траектории преемственности можно было, как теперь стало понятно, лишь при изучении биографий социологов VI и VII поколений, но я долго не приступал к беседам с ними. Интервью с первым представителем VI когорты я начал только в феврале 2014 года, а с социологами VII поколения — летом того же года.

Надежда Нартова принадлежит к VI поколению, и вообще говоря, можно было ожидать, что в ее воспоминаниях будут элементы траектории преемственности, но — как я думаю сейчас — лишь принадлежности к VI или VII поколениям мало. На получение такой информации с бóльшей вероятностью можно было надеяться лишь в интервью с человеком, получившим социологическое образование в Петербурге или в Москве, отчасти — в Екатеринбурге и Поволжье. В других городах и регионах — в силу менее продолжительной истории развития в них социологии — шансы на это значительно ниже

Но, конечно, нужна еще и особая «личная история». В биографии Нартовой она есть. Полюбив еще в юности кроить и шить одежду, она после школы поступила на технологический факультет СПб Университета технологии и дизайна. Но вскоре поняла, что это — не ее путь, на учебу она ходила со слезами на глазах. Ее увлекли беседы с ровесницами, обучавшимися по гуманитарным дисциплинам в Петербургской Академии культуры и искусств, и она, не завершив 2-го курса, решила изучать социологию культуры. И преодолев многие трудности, поступила.

И здесь она испытала буквально шок от вводного курса Игоря Ивановича Травина. Приведу фрагмент из ее воспоминаний: «Собственно, не важно, как называлась та дисциплина, важно, что это был Игорь Иванович. Он совершенно

завораживал собой, тем что рассказывал, тем что обсуждали. Было иногда совсем непонятно, но очень интересно. Учиться начинали рано, ехать мне было далеко, но даже мысли о том, чтобы пропустить или прогулять Травина в восемь утра не возникало». Затем Надежда прослушала курсы О. Б. Божкова и Г. И. Саганенко, обучалась под руководством Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной.

Это не просто фамилии знакомых мне коллег, это люди, близкие мне по пониманию многих профессиональных и гражданских проблем. И потому мне легко понять мысли и чувства Надежды, навеянные встречами с этими учеными. С Саганенко я знаком полстолетия, с Божковым и Травиным – четыре десятилетия (они принадлежат к III поколению социологов), Здравомыслову (IV поколение) и Темкину (V поколение) я знаю с их ранней молодости. Кроме того, с этими пятью социологами мною были проведены интервью. Таким образом, мне ясно, в какой интеллектуальной и человеческой среде провела Нартова студенческие годы.

Принципиально и то, что Саганенко и Божков входили в социологию непосредственно под руководством А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, а потом много лет работали в возглавляемом Ядовым научном коллективе. Что касается Елены Здравомысловой, то здесь не нужно много говорить, она – дочь А. Г. Здравомыслова и свою диссертацию делала у Ядова.

Тот факт, что социологу VI поколения (Надежде Нартовой) оказались созвучны, близки воззрения на социологию и на мир социальных отношений социологов старших поколений, формировавшихся в рамках «ленинградской социологической школы», может служить индикатором актуальности вопроса о существовании и жизненности ленинградской социологической школы и рассматриваться как призыв к продолжению историко-социологических поисков отличительных черт этого научного сообщества.

Нартова Н. А.: «То, что они горели социологией, горели своей работой, горели нами, очень вдохновляло»

Надя, каждый, кто читал о «петровских временах», кто бывал в Эрмитаже, где установлены копировальные станки, встречался с фамилией изобретателя А.К. Нартова. Вы не знаете, Вы – из этой семьи? Что вообще Вы знаете об истории Вашей семьи?

Спасибо, Борис Зусманович, за вопрос. Может и хотелось бы иметь отношение к сподвижнику Петра I, тем более, что и фамилия Нартовых не самая распространенная, но нет. По материнской линии мой дедушка – Лопаткин Валентин Федорович, из крепкой крестьянской вятской семьи, а бабушка – Нина Сергеевна Смирнова – из семьи священников из Тверской области. Они оба приехали учиться в Ленинград, дедушка в военное училище, бабушка в торговый институт. В Ленинграде же у друзей познакомились, поженились и родилась моя мама. Дедушка был военным, семья, как водится, переезжала, но дедушка сделал успешную карьеру и они осели в Ленинграде.

Дедушка по папиной линии – Нартов Семен Григорьевич – из Воронежской области. Они с братом рано осиротели, выросли в детском доме, оба стали военными и женились на двух сестрах. Папина мама Римма Федоровна Сафронова из простой архангельской семьи была учителем. К сожалению, я ее никогда не видела – она погибла, попав под машину, когда папе было 16 лет. Папина семья, так же меняла места жительства, и в один из таких переездов папа с мамой оказались в одном классе в Мурманске. Однако поженились они уже в Ленинграде, после того, как папа, Нартов Андрей Семенович, закончил пограничное училище в Голицино, а мама – Лопаткина Наталья Валентиновна, доучивались в Ленинградском политехническом институте. В Ленинграде родилась и я. Как и полагается семье военных, то мы тоже прожили несколько лет на маленьких заставах на границе с Финляндией, позже два года в Ташкенте. После чего папа уехал в Афганистан, а мы вернулись в Ленинград, и я пошла в первый класс.

Мама, получив инженерное образование, переезжая вслед за папой стала работать учителем. И может быть она бы до сих пор преподавала физику, но 16 сентября 1994 года папа погиб во время операции на Таджики-Афганской границе, во время которой он командовал ДШМГ. Папе было 40 лет, а маме 39. Чтобы поднимать меня, 16-летнюю, и мою 13-летнюю сестру мама ушла работать в паспортный контроль в аэропорту Пулково. Это тяжелый хлеб с подвижным графиком, ночными сменами. Через несколько лет она поменяла работу и стала старшим кассиром в аптеке. Теперь она работает экономистом в плановом отделе одного известного Петербургского театра. Я восхищаюсь мамой, ее смелостью менять виды деятельности, кардинально переучиваясь и осваивая каждый раз совершенно новые навыки.

Я думаю, что историю моей семьи можно назвать «советской», потому что она складывалась благодаря тем условиям и ресурсам, которые поставляло советское и раннее постсоветское общество, например, получение высшего

образования и возможность карьер, но и трансформировалась, из-за накладываемых ограничений и принуждений, страдала и теряла в его, подчас чудовищных, конфигурациях.

...Надя, у Вас в полном смысле героическая семья... Итак, Вы пошли в первый класс. В каком месте еще Ленинграда Вы жили? Как пошло учение?

Жили мы первое время у бабушки и дедушки в большом многоквартирном относительно новом доме, но в старом промышленном районе Ленинграда. Сложно придумать ориентир, чтобы объяснить где. На ум приходит Финляндский вокзал как некий центр Калининского района, но от вокзала до дома было еще минут 20 транспортом и столько же пешком. Другой ориентир — кинотеатр «Гигант». В детстве он был ценен имеющимся около него киоском «Мороженное». И если в других магазинах мороженное было делом удачи и случая, то в нем его почти всегда, постояв немного в очереди, можно было купить. В 90-е кинотеатр переопределили в казино-клуб «Гигант-холл», тополя в маленьком скверике перед крыльцом вырубили, а киоск убрали.

Район вокруг Калининской площади — это очень специфическое место. Действующие заводы перемежаются с тихими, почти провинциальными жилыми кварталами. И до сих пор, хотя рядом с бабушкиным домом идет активная застройка большими жилыми комплексами, когда приезжаю туда, не покидает ощущение заколдованного пространства застывшего или застрявшего где-то в 80-х. И дело не только в мужичках в олимпийках с хозяйственными сетками, в странных магазинчиках, зеленых тихих дворах, а в самом ощущении совершенно другого ритма людей, транспорта, ветра.

В первом классе я попала к совершенно удивительной учительнице Людмиле Федоровне. Не было и недели, чтобы мы не съездили на экскурсию, не сходили бы в театр, не было бы какого-то праздника с конкурсами, участием родителей и т.п. Я привыкла к такой активности с мамой, и была очень рада, что она есть и в школе. Училась я хорошо. Конечно, это связано с учителем, но еще и с тем, что я старшая дочка и внучка, поэтому весь педагогический запал моих родителей и бабушки с дедушкой был направлен на меня. И попробуй тут плохо учиться.

Ну и конечно, годы в начальной школе были совершенно октябрятско-пионерскими: с построениями, октябрятскими звездочками, приемами в пионеры, сбором макулатуры, празднованиями 70-летия Великой октябрьской революции. Не смотря на то, что дома «партийности» не было, я свято верила в коммунизм. Была убеждена, что при коммунизме, который непременно наступит, все будут работать, но не получать зарплату, а просто брать в магазине то, что им нужно. И очень рассчитывала, что вместо еды, которая меня не интересовала, смогу брать шоколад.

Помимо общеобразовательной в 7 лет меня отдали в спортивную школу по плаванию. Признаю, что мне по девчачьи хотелось на ходить на танцы, или заниматься балетом. Но моя очень физкультурноориентированная бабушка верила только в спорт. А поскольку первое время возить на занятия делегировалось ей, то и выбор был на ее усмотрение. После окончания начальной школы я пошла в спортивный класс, который был организован ДСЮШ «Динамо» в школе рядом с бассейном, что позволяло проводить две тренировки в день, а между ними уроки. Так что следующие два года был довольно изматывающий режим. Однако

в школе, на мой взгляд, к нам относились, как обычно к спортсменам — снисходительно. Занятия были по программе, но без ажиотажа. Так что учебы особой не было.

В плавании каких-то значимых результатов я не показывала, да и удовольствия не получала. Но поскольку мы занимались в открытом бассейне, то вот это ощущение, когда ты плывешь, а у тебя перед лицом снежинки, очень любила. Это и правда удивительно.

В шестом классе (в силу реформирования мы проскочили 5-й класс) моя спортивная карьера закончилась, поскольку стало очевидным, что это совсем, ну совсем не мой путь развития. И я перешла в школу, в которой работала моя мама. Училась сначала в классе с углубленным (положа руку на сердце надо признать, что со слегка углубленным) изучением английского языка, а с 10-го — в физико-математическом.

Спасибо, Надя, ленинградцы моего поколения помнят район «Гиганта» еще более сельским, Вы понимаете, «там не было войны».

Так или иначе, но в школах Вы узнали многое по разным направлениям. Какие были планы на продолжение образования? Как, почему именно они сложились? Под воздействием каких обстоятельств?

Как я уже сказала, старшие классы в моей школе были специализированные: физико-математический и гуманитарный. Во многом это было деление на учеников «посильнее» и «послабее». Выбор будущих вузов у моих одноклассников был самым разнообразным, многие шли на экономические специальности. Когда пришло время решать мне, куда и на кого идти учиться дальше, на семейном совете были отвергнуты гуманитарные специальности, как профессии с высокой степенью неопределенности, и начат поиск той, которая потенциально способна прокормить. Экономика и менеджмент меня не прельщали, медицина и фармакология не подходили — была четверка по химии, да и при виде крови я падаю в обморок. Оставались инженерные. К тому времени я уже несколько лет занималась в различных кружках районного Дома пионеров и школьников, а моим основным был так называемый кружок «Моделирование и конструирование одежды», проще говоря «кройки и шитья» с чудесным педагогом Мариной Николаевной Лесковой, с которой я дружу до сих пор. Я очень хорошо шила, неплохо вязала. И в начале 90-х это было очень важное умение, поскольку позволяло в буквальном смысле одеваться. И посоветовавшись с мамой, я решила пойти на технологический факультет Университета Технологии и Дизайна по специальности «Инженер-технолог трикотажного производства», в надежде в будущем одеть всю страну в модный и интересный трикотаж. Да и казалось, что в любом случае людям всегда будут нужны трусы, майки и носки.

Вступительными экзаменами были физика, математика и сочинение. Собственно те дисциплины, которым посвящалась большая часть учебной нагрузки в школе. К тому же я пошла на подготовительные курсы. Которые, с одной стороны, добавляли часов физики и математики в неделю, с другой — давали возможность сдать в мае «репетиционные экзамены», которые могли быть засчитаны как вступительные в Университет, и как дополнительные выпускные.

Так что мой 10, и в большей мере 11 классы прошли под девизом физики и математики. Учились как проклятые. Мне кажется, что большую часть суток я проводила за решением задач по физике. Это все, конечно, создавало довольно стрессовую ситуацию, которую я снимала шитьем. Вставала в шесть утра, чтобы до уроков час шить, час учиться, час шить. Вечером же была в основном только учеба. Но надо сказать, что мне очень нравилась школьная физика, потому что она ориентирована на логическое, поэтапное решение/доказательства и т.п. И решение задач приносили большое мыслительное удовольствие.

В мае я сдала экзамены, получила свои пятерки по физике и математике и трояк за сочинение (грамотность – это битва всей моей жизни, и пока я ее проигрываю), и как многие мои одноклассники чувствовала себя уже вполне поступившей. В июле в основную приемную комиссию увидела себя в списках зачисленных. Так я и стала студенткой Университета Технологии и Дизайна. Но надо отметить, что после окончания школы, я больше ни разу не села за швейную машинку. До сих пор.

Это бывший «Текстильный» на Большой Морской? И Вы его закончили?

Да, это он, и нет, не закончила. Несмотря на то, что студенткой быть оказалось очень здорово – больше мобильности, новые друзья, да и взрослый статус, учиться в Текстильном мне не нравилось. В университет я ходила буквально со слезами на глазах. Хотя, конечно, училась хорошо. Но скорее из-за сложившегося габитуса и силы воли, а не азарта и увлеченности. Как сейчас помню, что при наличии соблазна поступить как многие мои сокурсники и заплатить за выполнение работы, я, сжав зубы и повторяя как мантру «не боги горшки обжигают», чертила бесконечные эпюры по начертательной геометрии. Понимание того, что инженерные дисциплины не твое приходило не только ко мне. Так моя подруга бросила Университет и поступила на библиотечный факультет тогда Академии культуры и искусств. А поскольку она была из другого города, то я стала бывать в общежитии «Кулька». И тут, как не смешно, мне открылся другой мир – я увидела, что люди в рамках программы читают книжки, на которые у меня после сопромата не остается ни времени, ни сил. И я поняла, что так дело не пойдет, что заниматься тем, что тебе не нравится нельзя, и что надо что-то решать.

Я стала присматриваться к гуманитарным вузам, понимая ограничения подготовки: у меня физико-математический бэкграунд, на новые подготовительные курсы и репетиров денег нет, времени тоже не очень много, поскольку это была весна. На мой тогдашний взгляд было три варианта Педагогический институт им. Герцена, СПбГУ и Академия культуры и искусств. В Герцена был огромный конкурс, про большой университет я не очень знала, а про Кулек могла выяснить. В первом приближении выбор пал на две специальности «История мировой культуры» и «Социология культуры». К первой, возникал резонный вопрос – что с ней делать и где работать. А вот социология, поскольку я как и многие нынешние абитуриенты очень смутно представляла себе, что это такое, выглядела как-то загадочно, многообещающе и, хочу добавить, научно. Более подробные справки показали, что эту специальность делает группа активистов из Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Что все они занимающиеся исследованиями социологи. Что набирают они только 10 человек. И в целом, что это, прямо говоря, уникальная специальность, она же возможность.

Дома разговор о том, что я на втором курсе бросаю один вуз и буду поступать в другой, был не очень простым, но в итоге меня родные поддержали. И я начала готовиться. Сдавать надо было историю (профилирующий), английский язык и сочинение. Никакой системы, что именно и как готовить у меня не было. Я занималась по конспектам друзей, монографиям, каким-то учебникам. Мне помогли мои бывшие учителя литературы и истории, совершенно бесплатно дав мне несколько уроков и консультаций. Возможно это была несколько хаотичная, но какая-то живая подготовка. И в июле 1997 года, как и положено, я сдала экзамены и поступила! Для меня это было большое дело и большая радость, но я даже и не подозревала, что буквально через месяц начнется совершенно для меня новая жизнь фаната социологии.

... очень интригующе. Продолжайте...

Первый курс начался, если я не путаю, с «Введения в социологию», которое делал Игорь Иванович Травин. Собственно, не важно, как называлась та дисциплина, важно, что это был Игорь Иванович. Он совершенно завораживал собой, тем что рассказывал, тем что обсуждали. Было иногда совсем непонятно, но очень интересно. Учиться начинали рано, ехать мне было далеко, но даже мысли о том, чтобы пропустить или прогулять Травина в восемь утра не возникало.

Потом добавились Олег Борисович Божков, Галина Иосифовна Саганенко, Майя Михайловна Русакова. Я уже не помню точно кто какой курс и на каком году обучения вел, потому что они для меня не преподаватели в Университете в прошлом, а люди в моем жизненном и профессиональном пространстве в настоящем. Да, у меня были к ним вопросы, несогласие, иногда может и критическое отношение. Но то, что они горели социологией, горели своей работой, горели нами очень вдохновляло. Я это очень ценю и очень благодарна им за это.

Учиться в Кульке было по-разному. Основной корпус программы составлял широкий комплекс гуманитарных предметов: история, литература, история искусства и т.д. Было много замечательных педагогов, интересных лекций, и вдохновляющих подготовок к экзаменам. Например, по многим «частям» литературы к экзамену ты должен был прочитать ряд текстов. Если не успевал в течении семестра — читал во время сессии. Но каждый раз среди множества разных книг была та, которая становилась откровением. И ради такой вот одной не жалко было бессонных ночей, судорожного ведения читательского дневника и прочих радостей экзаменов. Однако было и много неудачных предметов, откровенно слабых преподавателей. Но что было для меня однозначно хорошего в Кульке — он не мешал тебе жить. И да, возможно в Университете культуры на тот момент было не самое лучшее социологическое образование, какое можно себе представить. Но если ты хотел социологии — ты ее мог получить.

Так конце первого курса нас повели показывать «живых социологов». И в какой-то момент привели в сектор Социологии общественных движений СИ РАН, которым руководил Владимир Владимирович Костюшев. И он рассказал, что делает молодежный семинар. И, конечно, в следующем сентябре я туда заявила. Было очень интересно. В первое время я не понимала и поло-

вины слов. Поэтому приходилось читать в два раза больше. Но это был славный семинар, много читали, обсуждали, делали свои проекты по исследованию молодежных культур и субкультур. Там я написала свою первую, корявую, но честно отработанную статью. Владимир Владимирович очень важный человек в моей жизни. Он не только делал площадку для неформального, но реального социологического образования и профессионализации, но и очень поддерживал.

Во время учебы я стала работать у Ольги Липовской в Петербургском центре гендерных проблем. Там укрепился мой зародившийся интерес к гендерным исследованиям и феминизму. Я познакомилась с Татьяной Михайловной Герасимовой, которая стала моим неформальным научным руководителем.

Я не знаю, как формируется сфера научных интересов, наверное этот процесс как и любовь нельзя разложить на составляющие. Внутри происходит какая-то химия, и некоторые вещи становятся бесконечно интересными, завораживающими, приносящими удовольствие. И мне очень повезло, что я встречала людей, которые этот интерес разделяли, поддерживали и учили.

К пятому курсу стал вопрос – что делать дальше. Продолжать образование или выходить на рынок труда. Татьяна Михайловна рассказала о конкурсе стипендий Фонда им. Г. Белля, поддержала написание заявки, и я получила стипендию. В то время стипендия была двухлетняя, а ее небольшие деньги, тем не менее, при скромных запросах позволяли жить. И соответственно вопрос решился – я буду поступать в Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Я поступила на общую магистерскую программу Факультет политических наук и социологии. Оказывается на нем была Гендерная программа, но я о ней тогда не знала. Моим научным руководителем к моему великому счастью стала Анна Темкина. Программа была годичная. Это был год аскезы, которая приносила удовольствие. Много учились, мало спали, другой жизни практически не было. Но у нас была очень живая и очень горящая группа, много обсуждали, спорили. Было здорово. После окончания магистерской я поступила на аспирантскую программу к Анне Адриановне. Я думаю, что во-многом, той которой я стала, меня сделала она. Это сложно описать, но я думаю, что это одно из самых значимых событий в жизни – иметь научного руководителя, которого ты безмерно уважаешь, который близок тебе по отношению к жизни и профессии, и который не жалеет времени и сил на тебя, уча видеть и работать. Я горжусь, что была и остаюсь ученицей Темкиной.

В это время начались первые школы, конференции, семинары вне университета. Т.е. та самая профессиональная социализация и включение. Я познакомилась со многими замечательными гендерными исследователями, «взрослыми» и «молодыми». Заложились дружеские и профессиональные сети. Думаю, что значительная часть моих коллег и друзей появились в моей жизни тогда. Я надеюсь, что мне еще представится возможность рассказать о них.

Гендерная программа под руководством Анны Темкиной и Елены Здравомысловой это не только образовательная, но и исследовательская структура. Поэтому они активно вовлекали в проекты аспирантов. Для меня это были первые опыты участия в коллективных проектах как интервьюера, исследователя, координатора.

Анна Темкина и Елена Здравомыслова плотно работали с Анной Роткирх и Университетом Хельсинки в целом. Анна Роткирх стала для меня еще одним очень значимым человеком. Я знала ее работы и они меня очень вдохновляли. Поэтому было честью просто познакомиться с ней. А полученные консультации, поддержка и похвала просто окрыляли. И еще важно, что Анна Роткирх находила маленькие стажировки в Хельсинки. И тогда это было очень важно. Поскольку позволяло работать в их библиотеке. И возвращаться домой с килограммами распечатанных статей и ксерокопий книг.

Три года в Европейском университете было очень живыми, рабочими, и тяжелыми одновременно. Конечно, это было для меня первоклассное образование. И большой шаг в профессии. Да и события, которые происходили в моей жизни тогда объединяют меня со многими исследователями моего поколения — это и стипендия и школа Фонда им. Г.Белля, и школа по гендерным исследованиям Харьковского центра гендерных исследований в Форосе, стажировки в Университете Хельсинки и Гендерном Центре Европейского гуманитарного университета, да и многое другое.

...песня, спасибо, Надя. Это интересно не только с собственно историко-социологической точки зрения (ибо все напрямую восходит к истокам ленинградской социологической школы — А. Г. Здравомыслову и В. А. Ядову), но и просто с человеческой. Травин, Костюшев, Темкина, Здравомыслова, Божков, Саганенко — люди, которых я знаю десятилетиями, ценю, которых считаю единомышленниками по широкому кругу вопросов; рад тому, что наше интервью будет в коллекции с воспоминаниями Божкова, Здравомысловой, Саганенко, Темкиной, Травина. Безусловно, в плане учителей Вам редкостно повезло... какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре?

К аспирантуре я уже была увлеченным гендерным исследователем, феминисткой по убеждениям и имела активистский опыт. Меня всегда интересовала тема сексуальности, и, в частности, гомосексуальности. И дипломная, и магистерская и аспирантская работы были посвящены лесбийству. В еще «детской» дипломе я смотрела на социальное исключение, в магистерской как происходит разделение приватного и публичного в рамках женского гомосексуального опыта, в диссертации фокусировалась на производстве нормативной лесбийской идентичности в публично-приватной, преимущественно интернет сфере женской гомосексуальности, смотрела на культурных предпринимателей, механизмы производства и концепции лесбийства. Несмотря на то, что за два года обучения на аспирантской программе (а аспирантура в ЕУ была 2-х годичная) я довольно сильно продвинулась, и после окончания в 2005 году даже получила еще стипендию на один учебный год, чтобы все завершить, к моему глубокому сожалению непосредственное написание диссертации пришлось отложить, т.к. я очень сильно заболела и много месяцев провела в больнице. В тоже время нужно было работать, и, конечно, новые проекты и обязательства так же забирали львиную долю времени и сил. Поэтому написание диссертации растянулась. А когда в 2008 году я решила этот проект все-таки закончить, оказалось, что культурный и политический климат в стране изменился, тема стала очень проблематичная для ВАКовских журналов и диссертационных советов. Помню, что после нескольких неудачных контактов с журналами и диссоветами, я через

Елену Омельченко консультировалась с Игорем Семеновичем Коном, который сказал, что да, с советами для такой ситуации сложно, и он уже не знает, кто может взять, что журналы будут либо отказывать или просто не отвечать, и остается только два варианта: либо на баррикады и бороться, либо менять тему, и он бы советовал менять. Я в тот момент была беременная, и скажу честно, войны не хотелось. Посоветовавшись и Анной Темкиной, и с Еленой Омельченко, через тяжелые раздумья я решила тему менять. Так что моя диссертация о лесбийском пространстве первой половины 2000-х осталась не завершенной, и думаю, что осталась в том времени и контекстуально и концептуально. Я и жалею и не жалею одновременно. Жалко, потому что не довела до логического конца. Не жалко, потому что было интересно и плодотворно, а еще, потому что, даже когда стало понятно, что данная тема стала проблемой для российской академии, были люди которые поддерживали, были журналы, которые не боялись. И я им очень благодарна и очень их уважаю.

Я же вместо несложившейся диссертации, родила в январе 2009 года дочку, что тоже считаю своим огромным достижением. А новый опыт позволил найти мне другую интересную для меня тему: несовершеннолетнее материнство. Я стала постепенно собирать материал, по возможности включать эту тему в другие проекты, чтобы была возможность делать эмпирику. Конечно, сейчас, на диссертационный проект остается очень мало времени в силу огромного количества других обязательств. Но в прошлом году я поступила с этой темой в самую гендерную государственную аспирантуру в нашей стране – на кафедру Социологии и социальной антропологии Саратовского государственного технического университета, чьей заведующей является Наталья Игоревна Ловцова. Моем научным руководителем согласилась стать профессор Валентина Николаевна Ярская. Так что я снова или все еще аспирантка. И как у любого аспиранта, мне кажется, что все еще впереди и я все сделаю.

... посмотрите мое интервью с В.А. Ядовым; он описывает ситуацию с кандидатской диссертацией С. И. Голода по сексуальным проблемам... в конце концов, Голод написал работу о труде женщин... Надя, где Вы работаете? В какого рода исследованиях участвуете?

Борис Зусманович, Ваше интервью имеет потрясающий терапевтический эффект. Отвечая на Ваши вопросы еще раз понимаешь, как тебе везло в жизни, какие замечательные учителя, коллеги и друзья в нее пришли. Вспоминаешь книги и идеи, которые вдохновляли, встречи и поездки, которые случались, захватывающие разговоры, обсуждения и споры на семинарах, на кухнях, с коньяком и без. И, отвечая на ваш вопрос, с работой мне тоже очень везло. Еще во время учебы в Европейском я познакомилась со «старшими» коллегами, т.е. теми, кто учился на старших курсах. Среди них была замечательный социолог, а потом и мой близкий друг и коллега, Ольга Бредникова. Она работала в Центре независимых социологических исследований, которым руководил Виктор Воронков. Я думаю, что через нее я стала узнавать о мероприятиях ЦНСИ, бывать на их семинарах. В 2004 году получила маленький внутренний грант ЦНСИ на исследование. Позже была принята в научные сотрудники, а с января 2005 года стала полноправным работником с трудовой книжкой. ЦНСИ стал моей жизнью, семьей и домом, и по духу, и по вовлеченности и по

количеству времени, проводимого на работе. Я всегда много работала. Поскольку академический заработок очень нестабильный, тем более в независимом центре, то конечно брался за любую работу: и администрирование чего-нибудь, и координирование, и исследовательская работа. Бывало, что я лишь на несколько часов днем возвращалась в свою комнату (после окончания школы, я довольно быстро стала жить самостоятельно и снимала комнаты) поспать, и опять уходила на работу, где с вечера до утра писала какой-нибудь отчет. Были интересные гендерные проекты, например, по исследованию секс-работниц, по исследованию вспомогательных репродуктивных технологий с университетом Цюриха, по той же теме, но с другим фокусом с Гендерной программой ЕУ. Но я работала и в других, не связанных на прямую с моей темой, исследованиях – например, вместе с финской коллегой Вирпи Кайсто из Университета Лаапеентранты изучала взаимодействие и соседство двух пограничных городов: Светогорска и Иматры. ЦНСИ, во многом, не только значимая часть моей жизни, но и мой профессиональный университет.

В 2004 году я познакомилась с Еленой Омельченко, человеком ставшим очень важным для меня и в профессиональной и в личной жизни. Она тогда руководила НИЦ «Регион» в Ульяновске. И мы вместе с ней, от лица Региона и ЦНСИ, делали много замечательных семинаров, школ и конференций по сексуальности, телесности, биовласти и т.п. После рождения дочки было сложно с проектами, а значит и с заработком. Хотя, когда ребенку было 7 месяцев, после собеседования (не знаю, кто меня рекомендовал) с Николаем Евгеньевичем Копосовым, руководителем Смольного института свободных искусств и наук СПбГУ, меня пригласили туда преподавать на программу социологии и антропологии. Но зарплата была такой смешной, что не позволяла не только жить, но и оплачивать всю стоимость няни. И в какой-то момент, Елена Омельченко, которую уже пригласили в Высшую школу экономики в Санкт-Петербурге заведовать кафедрой социологии, и которая уже открыла Центр молодежных исследований в НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, позвала меня подключиться к проекту по молодым семьям. Я с радостью и благодарностью согласилась. Дальше стало больше проектов и добавилось преподавание. В итоге с 2012 года я полноценный научный сотрудник Центра молодежных исследований и ст.преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Я участвую во-многих проектах центра, но самый любимый и основной для меня – это Научно-учебная группа «Социальные исследования тела» под руководством Е.Омельченко, в рамках которой мы уже пятый год получаем гранты от «Вышки» на исследование различных аспектов молодежной телесности. В рамках этой группы мы выпустили сборник по первому проекту, и, конечно статьи. Сейчас идет совершенно завораживающий проект про конструирование возраста. Так что впереди еще много работы и много интересного.